

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 33

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
2019

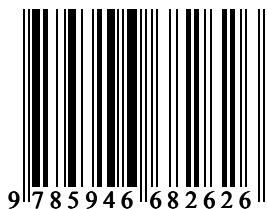
УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
А. В. Дубровский, С. И. Панов

ISBN 978-5-94668-262-6

© Авторы статей, 2019
© Пушкинская комиссия РАН, 2019

**ПАМЯТИ
ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧУМАКОВА
(4 июня 1922 – 6 мая 2015)**

6 мая 2015 г. ушел из жизни Юрий Николаевич Чумаков, известный пушкинист, исследователь русской поэзии XIX–XX вв., теоретик стиха.¹

Юрий Николаевич родился в 1922 г., но его путь в филологии начался довольно поздно, а первая статья о Пушкине вышла в свет, когда ему было далеко за сорок. Ему пришлось пережить многое из того, что выпало на долю его поколения, и этот опыт далеко не всегда способствовал научным занятиям.

Окончив школу в 1940 г., он был призван, как и все выпускники этого года, на службу в армию, служил на западной границе, поэтому война для него началась за несколько часов до ее официального объявления. Во время долгого отступления многие из его однополчан были убиты или попали в плен. Повезло лишь тем, кто был ранен и вынесен с поля боя, не погиб во время бомбежек полевого госпиталя и санитарного поезда и вовремя доставлен к хорошим врачам. Так было с Юрием Николаевичем. Он был тяжело ранен в обе ноги, но его очень хорошо лечили и почти вылечили, осталась лишь хромота и некоторая скованность движений, однако он все же был комиссован и, вернувшись зимой 1941/42 г. в родной Саратов, поступил учиться в мединститут.

Следует сказать, что Юрий Николаевич отнюдь не всегда хотел быть филологом. В юности у него было много увлечений, очень

---

¹ Глубоко благодарна Э. И. Худошиной за помощь в работе над этим очерком и предоставленную возможность использовать материалы ее комментария к книге Ю. Н. Чумакова «В сторону лирического сюжета» (см.: *Худошина Э. И. Стихование Ю. Н. Чумакова // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 23–41*).

далеких от литературы (самое сильное — шахматы, которыми он занимался, в сущности, профессионально). Но к 1941 г. он уже очень хорошо знал, что больше всего его интересует человеческое сознание, проблемы восприятия, мышления и понимания, и решил учиться «на психиатра», потому что в других учебных заведениях психология не преподавалась. Готовя себя к этой профессии, Юрий Николаевич много читал из области «буржуазной» психологии и сопутствующей ей философии — в дореволюционных изданиях, какие еще можно было найти у букинистов и в некоторых библиотеках (например, в знаменитой саратовской психиатрической лечебнице «на горах»).

Тогда же он неожиданно для себя стал писать стихи и «обвально» увлекся поэзией Серебряного века и особенно — Блоком. Со страстью и свойственным ему педантизмом он тогда собрал по букинистическим магазинам не только сборники поэтов XX в., но и все тогдашнее блоковедение. Но без всякой мысли о филологии: поэзия была лишь одной из возможностей прикоснуться к вопросам, которые тогда оказались для него главными, — назовем их вопросами *существования*.

Несколько позже, зимой 1943/44 г., ему и его другу Юрию Покровскому посчастливилось встретиться с Григорием Александровичем Гуковским (он вместе с Ленинградским университетом был эвакуирован в Саратов), который, прочитав стихи, принесенные ему начинающими поэтами, нашел в каждой из тетрадок «две-три хорошие строчки». «Это много», — сказал он и пригласил их прийти к нему по воскресеньям: «Я буду с вами говорить». И за несколько месяцев этих еженедельных встреч Григорий Александрович многое им успел рассказать и о поэзии, и о филологии, в том числе об идеях формальной школы (одна из этих встреч состоялась после заседания, посвященного памяти Ю. Н. Тынянова). И это была та научная школа, которую они прошли.

В июне 1944 г. оба студента по доносам приставленных к ним «друзей» были арестованы и после долгого следствия осуждены на 5 лет «за антисоветскую агитацию». После освобождения оказалось, что путь в медицину для них закрыт, и тогда-то им обоим пришлось вспомнить о литературе и сделать ее своей специальностью. В 1954 г. Юрий Николаевич окончил заочное отделение Саратовского университета, а в 1957-м Евграф Иванович Покусаев принял его в заочную аспирантуру, согласившись на тему о поэзии Тютчева (хотя сам был специалистом по прозе второй половины XIX в.), а в 1958-м даже принял его ассистентом на свою кафедру. Но очень скоро вынужден был уволить «по сокращению штатов», после чего,

уже в который раз оказавшись «на улице», Юрий Николаевич бросил и аспирантуру. Это, конечно, было катастрофой в социальном смысле. Но не в научном, потому что саратовская школа — историко-литературная, с оттенком социологизма — не очень-то ему подходила. Она мало что могла дать человеку, желавшему заниматься поэзией, а он хотел именно этого: «По-настоящему в литературоведении меня интересовало только одно: как устроен стишок». И недаром, конечно, в Саратове у Юрия Николаевича была репутация «гордеца, эстета и формалиста». Евграф Иванович, однако, очень ему сочувствуя, долго потом, при случайных встречах, уговаривал его не бросать начатую работу.

Дальнейшая жизнь Юрия Николаевича в Саратове была крайне неприкаянной. В 1960—1965 гг., когда он преподавал зарубежную литературу в заново тогда открывшемся театральном училище, она стала более устойчивой, пока и там не возникли неприятности, грозившие тяжелыми для него последствиями. Здесь-то наконец один из его друзей, И. С. Ной, ставший к тому времени известным саратовским юристом, догадался, в чем дело. Он заставил Юрия Николаевича под диктовку написать «прошение», сам его оформил, отнес куда надо, и справка о реабилитации была вскоре получена. Но к этому времени любимый Саратов так Юрию Николаевичу опротивел, что он сделал демонстративный жест: по объявлению в «Учительской газете» уехал куда глаза глядят — в горы Тянь-Шаня, на озеро Иссык-Куль, в Пржевальск, преподавать в одном из самых захудалых пединститутов.

Но именно там по-настоящему началось его литературоведение. Решающим толчком оказалось чтение только что вышедших «Лекций по структуральной поэтике» Ю. М. Лотмана. «Структурализм дал мне тогда язык», — говорил он впоследствии. И он стал писать, но не о Блоке, Серебряном веке или о Тютчеве, а о Пушкине, потому что к тому времени уже понял, что предмет изучения должен быть не слишком близок, исторически или ментально, — чтобы не было психологических помех.

В Киргизии была опубликована и первая статья Юрия Николаевича о Пушкине. Ее напечатал, нарушая правила редакционной политики, Л. А. Шейман в своем журнале «Русский язык в киргизской школе» (1969).² Написанная чрезвычайно сжато и в то же время с удивительной ясностью, эта статья содержала в себе зародыш и программу всех последующих его работ об «Онегине». Те,

---

² Чумаков Ю. Н. О составе и границах текста «Евгения Онегина» // Русский язык в киргизской школе. 1969. № 1 (57). С. 32—33.

кто тогда ее прочитал, любили рассказывать, как курьезно она выглядела: «...в подбор со статьей, объяснявшей юным киргизам, что “вторник — второй день недели, а пятница — пятый день недели”»,³ при том что «на последней странице, где она приютилась, для нее не хватало места, и заканчивалась она на обложке зеленого цвета».⁴

Странным образом этот крохотный текст был сразу же замечен и оценен специалистами. С. Г. Бочаров вспоминал: «Я только что напечатал тогда свою первую онегинскую статью — “Форма плана” <...> и побежал в библиотеку искать статью неизвестного автора о составе текста “Е. О.”, о которой мне сказали. <...> В статье утверждалось, что надо принять всерьез “Отрывки из путешествия Онегина” как истинное — по воле автора, так оформившего свой завершённый текст, — окончание романа, с его оборванным стихом: *Итак, я жил тогда в Одессе...*, возвращающим нас к началу романа <...> и обращающим линейное время героев в циклически-творческое время автора — и позволяющим нам тем самым представить онегинский космос сразу весь, объемно, как “яблоко на ладони” <...>. Отсюда следовало, что нельзя как заключительное звено онегинского текста печатать обрывки так называемой 10-й главы <...> создающие впечатление недописанности романа и распада его текста».⁵

Позже Юрий Николаевич гораздо подробнее описал и «Примечания», и «Отрывки из Путешествия Онегина» как равноправные части онегинского текста, так же как их роль в композиции «Онегина», но именно статью 1969 г. С. Бочаров включил в число работ, совершивших в конце 1960-х гг. резкий поворот в пушкиноведении, почему эти годы и стали временем «нового взгляда на Пушкина».⁶ Сам же Юрий Николаевич считал, что без работ И. М. Семенко, Ю. М. Лотмана и других исследователей того времени, с их новым взглядом на «многоипостасный» (С. Г. Бочаров) и многостилевой образ автора в «Онегине», об иронии, благодаря которой текст романа сохраняет единство, не распадаясь на стилевые фрагменты (В. М. Маркович), его собственный анализ пушкинского романа был бы невозможен. Что же касается 1960-х гг., то он в них

---

³ Чудаков А. П. [Рец. на кн.:] Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. 491 с. // Изв. АН. Сер. лит. и яз.. 2002. Т. 61. № 6. С. 61.

⁴ Бочаров С. Г. «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение: По прочтении двух книг Юрия Николаевича Чумакова // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 507.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 25.

чувствовал некий перелом мировой культурной парадигмы со сменной позиций *наличия и реальности* на позиции *возможности, эвентуальности и дополтельности*. Этот принцип по отношению к художественному произведению означал, в частности, *принцип свободы* — как автора, так и текста.

В том же 1969 г. Юрий Николаевич выступил на двух конференциях — в Вологде (с докладом о двух пушкинских посланиях к Чаадаеву) и Пскове; оба доклада никому не ведомого ученого из Пржевальска были приняты с понятным энтузиазмом. На псковскую Пушкинскую конференцию Юрий Николаевич попал случайно, по совету и рекомендации Б. Ф. Егорова. Ю. М. Лотман, которому он подарил, для первого знакомства, свою пока что единственную статью об «Онегине», был поражен странным совпадением: сам он собирался выступить на этой конференции с докладом о художественном значении примечаний и приложений в пушкинских поэмах и романе в стихах. Он уговорил Юрия Николаевича выступить с этой статьей следом за ним, а в своем выступлении объявил, что, поскольку в уже напечатанной работе Ю. Н. Чумакова вопрос о значении Примечаний и «Отрывков из Путешествия Онегина» решен, он снимает заключительную часть своего доклада и приглашает автора этой статьи прочитать ее собравшимся здесь пушкинистам. Разумеется, после такого «пиара» Юрий Николаевич немедленно получил статус пушкиниста, тогда мало чем подтвержденный.

Спустя год им была написана и обсуждена на пржевальской кафедре кандидатская диссертация. Обсуждение было непростым: часть кафедры выступила против, но не убедительно (речь одного из рецензентов была лаконична; дословно: «Хотя я этой диссертации не читал, она все равно плохая», — жаль, что этот отзыв не был внесен в протокол). Защищаться Юрий Николаевич решил в Саратове («на враждебной территории»). Е. И. Покусаев был очень доволен, поставил на диссертации свое имя в качестве руководителя (обеспечив тем самым ее прохождение в ВАКе) и разыграл некоторую интригу, в духе своего любимого Салтыкова-Щедрина, чтобы «нейтрализовать» кафедру советской литературы, с которой он был «на ножах», а также пригласил в качестве первого оппонента Ю. М. Лотмана. Это был ход нарочито экстравагантный с его стороны: в Саратове структурализм тогда категорически отвергался. Юрий Михайлович согласился, произнес на защите блестящую речь и предложил присудить подзащитному докторскую степень, что, конечно, было принято в качестве шутки, но совет проголосовал «за» единогласно — несмотря на то, что в некоторых городских учреждениях продолжали Юрия Николаевича хорошо помнить

и не затруднились накануне защиты распустить, вполне официально, слухи о том, что его изгнали из Пржевальского пединститута «за проповедь Батюшкова, Мандельштама и Достоевского».

Защищенная диссертация представляла собой трехсотстраничный труд, в котором исследовалась стихотворная поэтика Пушкина и ее реализация в лирике, стиховом эпосе и драме. В трех главах работы были подробно рассмотрены несколько лирических стихотворений, «Евгений Онегин» и «Каменный гость». В ходе анализа на первом плане оказались композиционные и пространственно-временные аспекты; в структуре художественного текста выявлялись и учитывались смягчающие структурную регулярность внеструктурные связи; наряду с устойчивыми чертами художественной структуры отмечались черты неустойчивые, с регулярными и однородными художественными приемами — нерегулярные и неоднородные (структурно и семантически «не оправданные»). В результате противоречие становилось важнейшим конструктивным принципом анализа, который давал возможность показать, как в стиховом эпосе и драме лирическое начало, играя преломляющую роль, сдвигает семантику в сторону неопределенности и свободы.

Самой заметной частью этой работы стала глава об «Онегине» — и это понятно, ведь здесь принцип противоречия демонстрирует сам себя и в композиции, и в стиле, в соотношении стиха и прозы, художественного мира и вторгающейся в него биографической «реальности» (так или иначе, в свою очередь, стилизованной), даже в образах главных героев, которые оказываются то фигурами «объективированными», то производными от лирического «я» автора. Все это нашло полное отражение в последующих работах Юрия Николаевича о Пушкине.

После защиты диссертации у Юрия Николаевича появилась возможность переехать поближе к столицам, и в 1971 г. благодаря деятельному участию своих друзей (прежде всего Б. Ф. Егорова) он прошел по конкурсу на должность доцента кафедры литературы Новгородского пединститута, где и проработал 10 лет. Существование на этой кафедре было вполне дискомфортным, но поначалу это компенсировалось возможностью беспрепятственно и не спрашиваясь начальства ездить на конференции по всем окрестностям, ведь все было близко: и Псков, и Болдино, и Прибалтика, и обе столицы. Это были в основном конференции пушкинистские и теоретические. В Москве особенно притягательными для Юрия Николаевича были стиховедческие семинары в ИМЛИ, куда он ездил регулярно, но только слушателем, лишь иногда выступая в прениях. Там он и подружился с такими стиховедами, как П. А. Руднев, В. А. Са-

погов, В. С. Баевский (о чем и свидетельствует их очень известная «четверная» фотография).

В Новгороде Юрий Николаевич продолжал писать о Пушкине. Но где-то в середине 1970-х гг. в его подходах к тексту «Евгения Онегина» произошел поворот, который он сам обозначил как переход *от поэтики к универсалиям*, что у одних его читателей вызвало нарекания в «ненаучности», у других — высочайшую похвалу. Очень заметной и вызвавшей довольно горячие споры оказалась его двухчастная статья о «Моцарте и Сальери» с версией открытого отравления. Это был своего рода семантический эксперимент, демонстрировавший тотальное смещение семантики всего текста в результате изменения всего одного его элемента. Но такая свобода интерпретации многим показалась недопустимой.

Вся вторая половина жизни Юрия Николаевича, с осени 1981 г., прошла в Новосибирске, куда он переехал по приглашению Н. Е. Меднис и, как он не раз говорил, никогда об этом не пожалел. Здесь он обрел что-то вроде «покоя и воли», здесь были изданы все его монографические труды об «Онегине»: сначала, в виде учебного пособия по спецкурсу, небольшая книжечка ««Евгений Онегин» и русский стихотворный роман» (1983), затем — «Стихотворная поэтика Пушкина» (1999) и, по заказу издательства Московского государственного университета, ««Евгений Онегин» А. С. Пушкина. В мире стихотворного романа» (1999), ее сам Юрий Николаевич очень ценил. И действительно, в ней с кристальной ясностью формулируются — для школьников и абитуриентов — сложнейшие понятия, например принцип *единораздельности как тождества взаимоисключающих понятий*: «Надо бы стремиться к нормальному видению двумя глазами, то есть в данном случае к равновесию аналитического ума и созерцательного воображения».⁷

В 1988 г. Юрий Николаевич защитил докторскую диссертацию, в которой был собран и проанализирован громадный материал, представляющий онегинскую традицию за весь XIX и половину XX в. Она написана в строго академической манере — это очерк истории русского стихотворного романа, в который вошло множество произведений абсолютно разного достоинства: от эпигонски-подражательных текстов, часто демонстрирующих полную стиховую и даже языковую беспомощность автора, или залихватского «Евгения Вельского», вышедшего в свет прежде, чем Пушкин за-

---

⁷ Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина: В мире стихотворного романа. М., 1999. С. 44.

кончил печатать поглавную редакцию своего романа, до высоких образцов поэзии XX в.: «Возмездия» А. Блока, «Младенчества» А. Белого, «Поэмы без героя» А. Ахматовой, «Спекторского» Б. Пастернака. Некоторые части этого очерка были напечатаны в названных книгах, другие так и остались ненапечатанными.

Спустя девять лет после пушкинского юбилея вышла книга «Пушкин. Тютчев: Опыты имманентных рассмотрений» (2008), в которой критика отметила не только пушкинские штудии, но и замечательные анализы тютчевских стихотворений, на фоне и его жизни, и его поэзии в целом. Снисходительно-небрежный отзыв на эту книгу, с упреками автору в склонности к метафорическому языку, спровоцировал полемику на эту тему в рецензиях С. Г. Бочарова и М. Н. Виролайнен, К. Г. Исупова. Впрочем, высокая оценка *научно-метафорического* языка Юрия Николаевича — в качестве языка, необходимого для конструирования новых понятий, — уже содержалась в более ранней рецензии А. П. Чудакова.

В основе работ Юрия Николаевича всегда лежал анализ того или иного конкретного текста, в то время как и теоретические, и сугубо философские интенции, находившиеся в основании анализа, оставались в основном неявленными. И только в конце жизни ему захотелось их эксплицировать, что и было сделано им в изданной в 2010 г. книге «В сторону лирического сюжета». Замечательная по глубине и точности, она, кажется, еще не нашла своего читателя, — может быть, по причине сложности анализов стихотворений (из них два — Пушкина), а также смысловой ее насыщенности.

Последнее, что успел написать Юрий Николаевич, это опыт аналитического разбора стихотворения Пастернака «Поэзия», который он продиктовал буквально за месяц до кончины. Эксперимент заключался в том, чтобы проанализировать текст с одной его звучащей стороны, без какой бы то ни было опоры на семантику. Результат получился замечательный: стихотворение превратилось в некое подобие музыкальной пьесы, и в нем оказался «смысл», но лишь тот самый, хотя и ясный, и почти выговариваемый, но несказанный, какой только и может быть в музыке.

Закончить этот очерк жизни и творчества Юрия Николаевича хочется цитатой из рецензии на его пушкинистику за 30 лет (с 1969 по 1999-й), в которой А. П. Чудаков определил ту научную традицию, которой, по его мнению, следовал рецензируемый автор: «Работы Ю. Н. Чумакова об “Евгении Онегине” — редкая попытка начать не заново, не с пустого места, а оттуда, где были оставлены перья его замечательных предшественников. Мы имеем едва ли не единственный случай наследования — через десятилетия — целой

ушедшей школы; эти работы наглядно показывают на одном плацдарме, что могло бы получиться из деятельности всей формальной школы в разных ее областях, если бы продолжали развивать ее положения и основоположники, и собравшиеся вокруг них талантливые ученики». ⁸ Может быть, он был и прав.

Е. В. Капинос

ПУШКИНОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ Ю. Н. ЧУМАКОВА

Составила Е. В. Капинос под редакцией Л. А. Тимофеевой

Наблюдения над строфической композицией стихотворений Пушкина и Тютчева // Материалы Шестой научной конференции профессорско-преподавательского состава Пржевальск. гос. пед. ун-та. Пржевальск, 1967. С. 19–23.

Диалектичность композиции «Каменного гостя» А. С. Пушкина // Проблемы теории и истории языка и литературы в свете ленинского наследия: Тез. докл. межкаф. респ. симпозиума / Киргиз. гос. ун-та. Фрунзе, 1969. С. 41–43.

Композиция двух посланий Чаадаеву и становление пушкинского реализма // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе: Метод и мастерство: Тез. докл. II Межвуз. науч. конф. литературоведов. Май 1969 / Вологод. гос. пед. ин-та. Вологда, 1969. С. 35–37.

О составе и границах текста «Евгения Онегина» // Рус. яз. в киргиз. шк. 1969. № 1. С. 32–33.

«Пропуски» текста как структурный принцип «Евгения Онегина» // Марксизм-ленинизм и проблемы теории литературы: (Тез. докл. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. В. И. Ленина) / Казах. гос. ун-та им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1969. С. 85–86.

Псковская Пушкинская [конф.] (1799–1969) // Рус. яз. в киргиз. шк. 1969. № 6. С. 31–32.

Пушкин и Тютчев: (Из наблюдений над двухчастными композициями) // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы: Материалы докл.

XII научно-теорет. и метод. конф., организуемой Каф. рус. лит. (29–31 мая 1969 г.) / МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1969. С. 106–107.

Русская поэзия в киргизских классах: [«Зимний вечер»] // Рус. яз. в киргиз. шк. 1969. № 3/5. С. 46–51.

Система ассонансов в элегии А. С. Пушкина «На холмах Грузии» // Тр. / Пржевальск. гос. пед. ин-т. Пржевальск, 1969. Сер. гуманитар. наук. Т. 14. С. 102–111.

Композиция двух посланий к Чаадаеву и эволюция пушкинского стиля // Метод и мастерство / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1970. Вып. 1: Рус. лит. / Под ред. В. В. Гурь. С. 92–107.

Проблемы поэтики Пушкина: (Лирика, «Каменный гость», «Евгений Онегин»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.640) / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1970. 23 с. Библиогр.: с. 22–23 (15 назв.).

Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 20–33. (Учен. зап. / ЛГПИ им. А. И. Герцена; Т. 434).

«Осень» Пушкина в аспекте структуры и жанра // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 29–42. (Учен. зап. / ЛГПИ им. А. И. Герцена; Т. 483).

«Зимний вечер» А. С. Пушкина // Лирическое стихотворение: Анализ и разборы: Учеб. пособие / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1974. С. 36–44.

Онегин и «автор» в пушкинском романе: (О возможностях школьного анализа-сопоставления) // Пушкин в школе: Сб. ст. / НИИ школ. М., 1974. С. 74–75.

Дон Жуан Пушкина // Проблемы пушкиноведения: Сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1975. С. 3–27.

Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Болдинские чтения / Большеболдин. музей-заповедник А. С. Пушкина; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1976. С. 58–72.

«Отрывки из путешествия Онегина» как художественное единство // Вопросы поэтики литературных жанров: Сб. науч. ст. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1976. Вып. 1. С. 3–12.

«День Онегина» и «день автора» // Вопросы поэтики литературных жанров: Сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1977. Вып. 2. С. 3–10.

К историко-типологической характеристике романа в стихах: («Евгений Онегин» и «Спекторский») // Болдинские чтения / Большеболдин. музей-заповедник А. С. Пушкина; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. С. 106–118.

Осень: [Фрагм. ст.: «Осень» Пушкина в аспекте структуры и жанра] // Пушкин в школе: Пособие для учителя / Сост. В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1978. С. 63–68.

Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине» // Болдинские чтения / Болдин. музей-заповедник А. С. Пушкина; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1978. С. 75–90.

В глубь пушкинской строки: [Рец. на кн.: *Рассадин С. Б.* Драма-тург Пушкин: Поэтика. Идеи. Эволюция. М., 1977] // Лит. обозрение. 1979. № 6. С. 56–58.

Ремарка и сюжет: (К истолкованию «Моцарта и Сальери») // Болдинские чтения / Болдин. музей-заповедник А. С. Пушкина; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. С. 48–69.

Два фрагмента о сюжетной полифонии «Моцарта и Сальери» // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. С. 54–68.

К традиции русского стихотворного романа: (Пушкин – Полонский – Блок) // Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1981. С. 66–77.

«Евгений Онегин» и русский стихотворный роман: Учеб. пособие к спецкурсу / Новосиб. гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1983. 86 с. Рец.: *Альми И. Л.* // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1985. № 5. С. 79–80.

«Роман без конца...»: О книге Ю. М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» [Л., 1982] // Рус. яз. в киргиз. шк. 1983. № 5. С. 57–62.

«Евгений Онегин» Пушкина и «Менины» Веласкеса: (К исторической поэтике пространства) // Пространство и время в лите-

ратуре и искусстве: Метод. материалы по теории лит. / Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзина. Даугавпилс, 1984. С. 29–31.

«Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. С. 102–114.

Жанр стихотворного романа и философские основы массовой и классической культуры // Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибир. гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1986. С. 63–72.

Из наблюдений над лиро-эпическим пространством у Пушкина // Пространство и время в литературе и искусстве: Теоретические проблемы классической литературы: Метод. материалы / Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзина. Даугавпилс, 1987. С. 69–71.

Из онегинской традиции: Лермонтов и Ап. Григорьев // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13–14 ноября 1987 г. / Тарт. гос. ун-т. Таллин, 1987. С. 62–65.

Пространство «Евгения Онегина» // Художественное пространство и время: Межвуз. сб. науч. тр. / Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзина. Даугавпилс, 1987. С. 32–50.

«Евгений Онегин» и русский стихотворный роман XIX – начала XX века: Вопросы исторической поэтики жанра: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук (10.01.01) / МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1988. 35 с. Библиогр.: с. 34–35 (22 назв.).

[Ответы на вопросы анкеты о А. С. Пушкине: «Тревоги, надежды, работа»] // Лит. обозрение. 1989. № 7. С. 45–46.

«Первое свидание» А. Белого в русле онегинской традиции // Жанрово-стилевое единство художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1989. С. 109–118.

[Письмо-отклик на ст. о Музее-квартире А. С. Пушкина: Право на эксперимент / Э. С. Лебедева и др.] / Подп.: Ю. Н. Чумаков, Н. Е. Меднис, Э. И. Худошина, Ю. В. Шатин // Нова. 1989. № 2. С. 202–203.

Из онегинской традиции: Лермонтов и Ап. Григорьев // Пушкинские чтения: Сб. ст. / Эстон. фонд культуры. Таллинн, 1990. С. 129–143.

Еще один взгляд на «Евгения Онегина»: [Рец. на кн.: Баевский В. С. Сквозь магический кристалл... М., 1990] // Рус. яз. и лит. в киргиз. шк. 1991. № 6. С. 50–54.

Жанровая структура «Евгения Онегина» // Сюжет и время: Сб. науч. тр.: К 70-летию Г. В. Краснова / Коломен. пед. ин-т. Коломна, 1991. С. 89–92.

Роль изучения творческой истории в современном прочтении «Евгения Онегина» // Классика и современность / Под ред. П. А. Николаева и В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 170–179.

Еще раз о поэтике «Евгения Онегина»: (Письмо о книге В. С. Баевского «Сквозь магический кристалл» и об откликах на нее) // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана. 1993. № 1/2. С. 41–47.

«Сон Татьяны» как стихотворная новелла // Русская новелла: проблемы теории и истории: Сб. ст. / СПбГУ; Под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. С. 83–105.

«Роман без конца». Поэтика биографии поэта. О книге Ю. М. Лотмана [«Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя»] // Московский пушкинист: Ежегодный сб. / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий. М.: Наследие, 1995. [Сб.] 1. С. 284–294.

«Евгений Онегин» в современном прочтении: По поводу статьи Caryl Emerson «Татьяна» [Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 6. С. 31–47] // Материалы Международной пушкинской конференции, 1–4 окт. 1996 г. / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. Псков, 1996. С. 11–15.

Татьяна, княгиня N, Муза: (из прочтений VIII главы «Евгения Онегина») // Концепция и смысл: Сб. ст. в честь 60-летия проф. В. М. Марковича / СПбГУ; Под ред. А. Б. Муратова и П. Е. Бухаркина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 101–114.

Стихотворение Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье»): Форма как содержание // Четвертая Международная Пушкинская конференция (авг. 1997; СПб. – Н. Новгород): Материалы. СПб., 1997. С. 58–64.

Сюжетная полифония «Моцарта и Сальери» // «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина. Движение во времени. 1840-е – 1990-е гг.: Антология трактовок и концепций от Белинского до

наших дней / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького; Сост. и коммент. В. С. Непомнящего. М.: Наследие, 1997. С. 605–636. (Пушкин в XX веке: Ежегод. изд. Пушкинской комиссии ИМЛИ; Вып. 3).

В сторону Онегина: [Докл. на Пушкинском симпозиуме в Висконсин. ун-те, 1996] // Гуманит. науки в Сибири. Сер. филологическая. 1998. № 4. С. 3–9.

Лиро-эпическое пространство у Пушкина // Дискурс. 1998. № 5/6. С. 74–78.

Осень // Пушкин в школе: Учеб. пособие / Сост. В. Я. Коровина. М.: РОСТ, 1998. С. 124–139.

Стихотворение Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье»): Форма как содержание // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 1. С. 3–8.

Фуражка Сильвио // Сюжет и мотив в контексте традиции: Сб. науч. тр. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии; Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1998. С. 141–147. (Материалы к словарю сюжетов и мотивов рус. лит.; Вып. 2).

«Евгений Онегин» // А. С. Пушкин: Шк. энцикл. словарь / Под ред. В. И. Коровина; Сост. В. Я. Коровина, В. И. Коровин. М.: Просвещение, 1999. С. 159–170.

«Евгений Онегин» А. С. Пушкина: В мире стихотворного романа. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 126. (Перечитывая классику).

Содерж.: Введение. Гл. 1: Проблемы текста «Евгения Онегина». Гл. 2: Стиль и стих «Евгения Онегина». Гл. 3: Из композиционных структур «Евгения Онегина». Гл. 4: Сюжеты, мотивы, персонажи. Заключение.

Рец.: Бочаров С. Г. «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение // Новый мир. 2000. № 12. С. 203–209; Бочаров С. Г. «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение: По прочтении двух книг Юрия Николаевича Чумакова // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Яз. рус. культуры, 2007. С. 506–517.

Из размышлений о жанре, стилистике и строфике «Евгения Онегина» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 7–18.

То же // Пушкин: Сб. ст. / МГУ им. М. В. Ломоносова; Науч. ред. А. И. Журавлева. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 19–29.

Из универсалий пушкинской поэтики: Инверсивность // Традиция и литературный процесс / Отв. ред. А. Б. Соктоев; РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 387–392.

Поэтика «Евгения Онегина» // Australian Slavonic and East European Studies. Melbourne, 1999. Vol. 13. № 1. P. 21–62.

Роман в стихах // А. С. Пушкин: Шк. энциклопед. словарь / Под ред. В. И. Коровина; Сост. В. Я. Коровина, В. И. Коровин. М.: Просвещение, 1999. С. 159–171.

Стихотворная поэтика Пушкина: [Сб. ст.] / Рис. Р. Габриадзе; Науч. ред. М. Н. Виролайнен. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр, 1999. 431 с.: ил. Библиогр.: с. 428–429. (Пушкинская премьера).

Содерж.: От автора. I. Текст и жанровая структура «Евгения Онегина»: [Состав художественного текста «Евгения Онегина»; «Отрывки из путешествия Онегина» как художественное единство; «День Онегина» и «День автора»; Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину»; Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине»; Жанровая структура «Евгения Онегина»; К историко-типологической характеристике романа в стихах («Евгений Онегин» и «Спекторский»)]; II. Поэтика и традиция русского стихотворного романа: [«Евгений Онегин» и «Евгений Вельский»; «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов; «Дневник девушки» Е. Растопчиной и «Двойная жизнь» К. Павловой в освещении «Евгения Онегина»; Из онегинской традиции: Лермонтов и Ап. Григорьев; Пушкин — Полонский — Блок: К традиции русского стихотворного романа; «Младенчество» Вячеслава Иванова и «Первое свидание» А. Белого в русле онегинской традиции]; III. Из наблюдений над поэтикой «Евгения Онегина»: [Роль творческой истории в художественном существовании романа в стихах; Пространство «Евгения Онегина»; «Евгений Онегин» Пушкина и «Менины» Веласкеса: (К исторической поэтике пространства); «Сон Татьяны» как стихотворная новелла; Татьяна, княгиня N, Муза: (Из прочтений восьмой главы «Евгения Онегина»); «Евгений Онегин»: Интерпретация, поэтика, традиция]; IV. Поэтика стихотворной драматургии: [«Дон Жуан» Пушкина; Сюжетная полифония «Моцарта и Сальери»]. V. Лирика: [Композиция двух посланий к Чаадаеву и эволюция пушкинского стиля; Система ассонансов в элегии А. С. Пушкина «На холмах Грузии»; «Зимний вечер» А. С. Пушкина; Жанровая структура «Осени»; Стихотворение Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье»: Форма как содержание]; VI. Из докладов и рецензий:

[Об инверсивности у Пушкина; Лиро-эпическое пространство у Пушкина; В глубь пушкинской строки: (О книге Ст. Рассадина «Драматургия Пушкина»); «Роман без конца»: (О книге Ю. М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя»); Еще один взгляд на «Евгения Онегина»: [Рец. на кн.: *Баевский В. С.* Сквозь магический кристалл... М., 1990]; VII. Приложение: [Ст. о Ф. И. Тютчеве].

Часть ст. вошла в кн.: *Чумаков Ю. Н.* Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М., 2008.

Рец.: *Альтшуллер М. Г.* // Pushkin review = Пушкинский журнал. Bloomington, 2003. Vol. 6–7. P. 179–187; *Бочаров С. Г.* «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение // Новый мир. 2000. №12. С. 203–209; [То же // Играем Пушкина. СПб., 2001. С. 496–497]; *Бочаров С. Г.* О книге Ю. Н. Чумакова «Стихотворная поэтика Пушкина» // Филология. Саратов, 2000. Вып. 5. С. 136–138; *Бочаров С. Г.* «Мировые ритмы» и наше пушкиноведение: По прочтении двух книг Юрия Николаевича Чумакова // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Яз. рус. культуры, 2007. С. 506–517; *Чудаков А. П.* // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 6. С. 57–62.

«Евгений Онегин»: Перспектива стиха или перспектива сюжета? // Актуальные проблемы изучения творчества А. С. Пушкина: Жанры, сюжеты, мотивы: Материалы Всерос. конф., посв. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, Новосибирск, 21–23 сент. 1999 г. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии; Отв. ред. и сост. М. Н. Дарвин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 58–64.

Из размышлений о культурном мифе Пушкина: [Тез. докл. на международ. конф. «Пушкин и пушкинистика на пороге XXI века», СПб., М., 1999] // Дискурс. 2000. № 8/9. С. 116.

Поэтика «Евгения Онегина» // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 1. С. 11–24.

[Слово на представлении книги «Стихотворная поэтика Пушкина»] // Филология: Межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского; Отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. Вып. 5: Пушкинский. С. 139–140.

Сны «Евгения Онегина» // Сибирская пушкинистика сегодня: Сб. науч. ст. / ГПНТБ СО РАН и др.; Сост. и ред. В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 33–46.

То же, на франц. яз.: Les rêves d'«Eugène Onéguine» / I. Tchoumakov; Trad. de D. Dabbadie // L'universalité de Pouchkine: In memoriam E. Etkind, V. Vatsouro / Sous la dir. de M. Aucouturier et J. Bonamour; Inst. d'études slaves. Paris, 2000. P. 157–164. (Bibliothèque russe de l'Inst. d'études slaves; T. 106).

Отзыв о диссертации Н. В. Проданик «Топосы смерти в лирике А. С. Пушкина» // Пушкинский альманах (1799–2001) / Омск. гос. пед. ун-т; Отв. ред. А. А. Асоян. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. № 2. С. 153–157.

О составе и границах текста «Евгения Онегина» // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма: Сб. ст. к 80-летию проф. Ю. Н. Чумакова / Отв. ред. Т. И. Печерская; РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2003. С. 237–239.

Примечания // Онегинская энциклопедия: [В 2 т.] / Под общ. ред. Н. Н. Михайловой. М.: Рус. путь, 2004. Т. 2. С. 358–361.

Рецензия на рукопись учебного пособия В. Е. Хализева, С. В. Шешуновой «Цикл А. С. Пушкина “Повести Белкина”» // Пушкинский альманах (1799–2001) / Омск. гос. пед. ун-т. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. № 3: [Памяти Э. Г. Шика]. С. 213–220.

«Евгений Онегин»: Интерпретация, поэтика, традиция // The Pushkin Handbook / Ed., Preface and Introd. by D. M. Bethea. Madison, 2005. P. 126–154. (Publ. of the Wisconsin Center for Pushkin Studies).

О сюжете «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник / Сост. И. Е. Лоцилов, И. З. Сурат. М.: Три квадрата, 2005. С. 238–347. (Филология).

Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений: [Сб. ст.]. М.: Яз. славян. культуры, 2008. 411 с. (Studia philologica).

Часть ст. опубли. в изд.: Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.

Содерж.: Об этой книге. Разд. 1. Поэтика «Евгения Онегина»; «Евгений Онегин»: Интерпретация, поэтика, традиция; Перспектива стиха или перспектива сюжета: («Евгений Онегин»)?; «Отрывки из путешествия Онегина» как художественное единство; «День Онегина» и «День Автора»; Об авторских примечаниях к «Евгению

Онегину»; Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине»; Татьяна, княгиня N, Муза: (из прочтений VIII главы «Евгения Онегина»); «Сон Татьяны» как стихотворная новелла; Сны «Евгения Онегина»; Пространство «Евгения Онегина». Разд. 2. Дон Жуан Пушкина; Сюжетная полифония «Моцарта и Сальери»; Стихотворение Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье»): Форма как соденержание. Разд. 3: [Ст. о Ф. И. Тютчеве].

Рец.: Булкина И. С. // Новое лит. обозрение. 2009. № 95. С. 352–354; Виротайнен М. Н., Бочаров С. Г. От поэтики к универсалиям // Вопр. лит. 2010. № 1. С. 200–211; Исупов К. Г. Имманентная поэтика и поэтология имманентности // Там же. С. 212–226.

Лирический сюжет пушкинской «Нереиды» // Кормановские чтения: Ст. и материалы Межвуз. науч. конф. (апрель, 2009) / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2009. Вып. 8. С. 45–48.

В сторону лирического сюжета. М.: Яз. славян. культуры, 2010. 87 с. (Studia philologica).